

отношение Федора Каржавина к русским великим князьям и династии Романовых. В литературе о Каржавине не упомянут.

СК 3740.

15. **Паллас Петр Симон** (Pallas Peter Simon: 1741–1811). Enumeratio plantarum quae in horto viri illustris atque excell. domini Procop à Demidof, consilarii status actualis, et orphanotrophaei mosquensis summi benefactoris, Moscvae vigent, recensente P. S. Pallas, academico petropolitano. Petropoli, Typis Acad. Imper. Scientiarum, 1781. – Каталог растений, находящимся в Москве в саду его превосходительства, действительного статского советника и Императорского воспитательного дома знаменитого благодетеля, Прокопия Акимфиевича Демидова; сочиненной П.С. Палласом, Академиком Санктпетербургским. СПб., печатан при Имп. Акад. наук, 1781. XXXI, 163 с.; 3 л. ил. – 8°.

Титульный лист и текст параллельно на латинском и русском языках.

Ил. 1 в начале книги: Hortus Illustrissimi Procopii à Demidof. — План саду Его Превосходительства Прокофея Акимфиевича Демидова.

Tab. 1: Demidovia tetragonides – Демидовия тетрагонаидес.

Tab. 2: Doronicum altaicum – Дороникум алтайеум.

Владельцы: «К», Ф.В. Каржавин, А.А. Куник, НИОРК БАН.

Перепплет – картон в голубой бумаге с линейными рамками и тисненными уголками (растительный орнамент) на обеих крышках. Корешок утрачен. Обрез золотой. Приклеенные части форзацев из пестрой форзацной бумаги. Свободная часть первого форзаца отсутствует. Свободная часть второго форзаца из вержированной бумаги с частью филигрании. На первом форзаце наклейка с инициалом владельца: «К». На первом титульном листе пометы, свидетельствующие о принадлежности книги А.А. Кунику, – и красно-коричневый штамп: «Theodore Karjavine», повторен в конце посвящения П.С. Паласса П.А. Демидову. На первом титульном листе и на с. IXXX – Изъяснение употребленных знаков и сокращенных слов в сам. каталоге. На таблице 3 запись Каржавина: «В книге, Compendium medicophysicarum germanicarum Academiae naturae Curiosorum. Annus Nonus, напечатанной в Вратиславе [Бреслау] in 4o. 1680-м годе; на странице 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. Obsrtvatio II. зри описание травы Agnisa о которой здесь упоминается на стран.: 163-й. Оба изображения вместе сравнивай! А. К. А там описаны все врачебныя действия сея травы». На свободной части второго форзаца номер: «67/15».

СК 5111.

Е.Н. Никитин

«ИЗДАТЕЛЬСТВО З.И. ГРЖЕБИНА» (1919–1924)*

В статье прослежена история создания «Издательства З.И. Гржебина», в организации которого активное участие принимал М. Горький. Помимо классической и современной русской литературы, издательство выпускало научные и научно-популярные книги, а также учебники, проявляло интерес к новейшей отечественной истории: печатались серия «Летопись революции» и журнал с таким же названием. В «Издательстве З.И. Гржебина» М. Горький реализовал свою давнюю мечту – начал выпускать биографии замечательных людей. В статье использовано большое количество архивных материалов.

Ключевые слова: З.И. Гржебин, М. Горький, «Издательство З.И. Гржебина».

Оказавшись за границей, дыша свободным воздухом Европы, Гржебин был полон надежд. Он строил грандиозные планы. Основное направление работы издательства то же, что и в России – выпуск научной, научно-популярной литературы и учебников. Для улучшения этой работы литературовед-германист Ф.А. Браун по просьбе издателя подготовил и 10 января 1922 г. направил ему докладную записку, в которой отмечалось:

«Желательность организации при нашем издательстве небольшой редакционной коллегии из крупных немецких ученых специалистов в помощь особой коллегии, работающей в Петрограде, мотивируется, прежде всего, соображением, что русские ученые, совершенно оторванные в течение последних 7½ лет от научной жизни Запада и лишенные возможности получать текущую литературу, не в состоянии обозреть все научные достижения за этот долгий срок и ориентироваться в сложной работе научной мысли Запада, пока им не будет вновь открыт свободный доступ к центрам западноевропейской научной работы и не будет восстановлен обмен книгами и журналами, облегчено приобретение всякого рода аппаратов и т.д.

Едва ли можно надеется, что это будет возможно в ближайшем будущем. Между тем за все эти годы научная работа запада не прекращалась, лишь ослабевая временами, в самом разгаре мировой войны, она продолжалась без

перерыва и ведется теперь, особенно в Германии, с удвоенной энергией и напряжением. Очень много сделано за это время, с чем русский ученый мир либо вовсе не знаком, либо знаком только понаслышке; много и такого, что имеет огромный интерес и для более широких кругов образованного русского общества. Отчуждение России от достижений западноевропейской науки наносит русской культуре весьма существенный ущерб, растущий в геометрической прогрессии с каждым годом, каждым месяцем, так как все труднее станет русским людям ориентироваться в этих достижениях и вновь войти в колею мировой научной мысли.

Прямой долг крупного русского издательства, имеющего возможность работать за границей, помочь нарастающей беде и быть в этой области посредником между Западом и Россией.

Наилучшим средством к достижению этой цели и представляет мое образование местной немецкой редакторской коллегии — как бы филиального отделения русской.

Она может быть учреждена в виде временной организации, пока не наладятся свободные сношения с Западом. Но если результаты ее работы оправдают возлагаемые на нее надежды, то мыслимо и длительное участие ее в нашем деле. Совместная работа и взаимодействие русских и немецких ученых в нашем издательстве рисуется мне и в будущем как нечто в высокой степени желательное и благотворное, и дало бы работе издательства широкий международный размах.

На первых порах можно и следовало бы, на мой взгляд, ограничить состав этой коллегии представителями *основных* естествоведных (так в документе. — *Е. Н.*) дисциплин, идущих во главе научных движений нашего времени: я разумею физику, химию и минералогию с кристаллографией, совокупными усилиями которых в настоящее время строится новое поколение мира (см. теорию Эйнштейна, вопрос о взаимоотношении силы и материи, о строении материи и т.д.). К ним я присоединил бы еще антропогеографию с этнологией, как науку, сделавшую за последние годы огромные успехи (как в смысле накопления нового материала, так и в смысле новых точек зрения в разработке его); тем более, что она особенно интересна и нужна России.

Вопрос о расширении коллегии в сторону наук биологических и гуманитарных, в частности общественных и философских, мог бы стоять пока открытым. Решение его будет зависеть от многих условий, которые нельзя учесть заранее.

Важно в настоящее время лишь начать работу, хотя бы в ограниченных пределах.

Развитие ее укажет нам дальнейшие возможности и перспективы.

По счастливому стечению обстоятельств, именно те четыре научные дисциплины, которые я предложил бы положить в основу всего плана, имеют в Лейпцигском университете первоклассных крупных представителей, а именно: по физике — Prof. Wiener, по химии Prof. Le Blanc, по минералогии и кристаллографии Prof. Rinke, по этнологии Prof. Weule, организатора Лейпцигского этнографического музея. Все они лично мне знакомы. С согласия З.И. Гржебина, я уже имел с ними предварительные беседы и встретил с их стороны полное сочувствие и живейший интерес к нашему делу. Ими был

намечен и ряд небольших немецких работ, с перевода которых можно было бы открыть серию наших изданий.

Для примера назову:

L. Graetz. Die Atomtheorie in ihrer neusten Entwicklung. 1918. (Теория атомов в ее новейшем развитии).

K. Fajans. Radioaktivität und die neuste Entwicklung der Lehre von chemischen Elementen. 1921. (Радиоактивность и новейшее развитие учения о химических элементах).

M. Born. Aufbau der Materie. 1920 (Строение материи).

F. Rinke. Die Kristalle als Vorbilder des feinbaulichen Wesens der Materie. 1921. (Кристаллы как прототипы (образцы?) строения материи, — речь идет о неожиданных открытиях, полученных путем применения рентгеновских лучей к исследованию кристаллов).

W. Ostwald. Die Welt der vernachlässigten Dimensionen, новое издание.

(Мир преобразенных измерений).

W. Ostwald. Farbenfibel. 1917 (Букварь красок).

W. Wiener. Physik und Kulturentwicklung, новое издание (Физика и развитие культуры).

Кроме того, намечен ряд тем, по которым предполагается заказать очерки, а именно:

W. Ostwald. Licht und Farben (Свет и цвета).

Formenharmonie (Гармония форм).

Heyn. Metallographie (Металлография).

Endell. Das Wesen der feuerfesten Stoffe (Сущность огнеупорных веществ).

Gäckert. Das Aufsuchen und Beurteilen volkswirtschaftlich wichtiger Lagerstätten (Отыскание и оценка залежей важных для народного хозяйства).

Nernst. Physikalisch-chemische Grundgesetze (Основные физико-химические законы).

Siedentopf. Das Ultramikroskop (Ультрамикроскоп).

И друг.

Проф. Войлс набросал план серий небольших изданий (около 25), который обнимает всю современную экономию. Ничего аналогичного в русской литературе еще нет. Из немецких книг уже готовы:

Frühformen der Wirtschaft (Формы первобытного хозяйства).

Die Anfänge der mechanischen Technologie (Начала механической технологии).

Die Anfänge der chemischen Technologie (Начала химической технологии).

Die Anfänge der Schrift (Начала письма).

Развитие этой программы обещает дать систематический обзор всех современных этнологических проблем.

Мои переговоры с названными учеными носили, повторяю, предварительный характер и не связывают ни ту, ни другую сторону. Но по многим причинам весьма желательно, чтобы решение по основному вопросу состоялось как можно скорее. Работа могла бы быть начата немедленно».

Прочитав записку, Гржебин наложил резолюцию:

«Нахожу предложение Федора Александровича весьма приемлемым по следующим основаниям:

1) мотивы, указанные в докладной записке, почему следует привлечь иностранных ученых, стоящих в курсе современной науки, – убедительны.

2) Возникновение многих издательств в России (пожалуй, больше издательств, чем писателей) – сократят приток к нам новых работ русских ученых.

3) Гонорар в настоящее время в Германии значительно меньше, чем в России.

4) Принятые немецкими учеными на себя обязательства будут, безусловно, исполнены, тогда как по отношению к русским авторам этой уверенности нет.

5) Книги крупнейших немецких ученых (в особенности если у нас появятся до выхода этих книг в свет на немецком языке) должны получить сбыт.

Полагал бы только, что помимо указанных авторов необходимо привлечь непосредственное сотрудничество Эйнштейна и др. мировых ученых, а также крупнейших ученых не только Германии, но и Англии, Франции и др.

З.Г.»

Ниже главный редактор издательства написал: «Совершенно согласен. М. Горький»¹.

За границей активизировалась начатая в России работа над энциклопедическим словарем. Было принято решение сделать справочник двухтомным, а не однотомным, как было намечено ранее².

Планы масштабные. О них было рассказано в вышедшем в конце 1921 г. «Каталоге издательства З.И. Гржебина» (Пб.; Берлин). Журналист В. Ирецкий писал в своем отзыве: «Изящная книга, о которой идет речь, – каталог издательства З.И. Гржебина, вернее план предполагаемых изданий. Программа напечатана безукоризненно. Во всех отношениях это образцовая программа, которую следовало бы каждому издателю – и русскому и иностранному – иметь у себя на столе. Это был бы его путеводитель, а может быть, даже Евангелие, издательское Евангелие – от Горького, Бенуа, Ольденбурга, Платонова, Гревса, Хвольсона, Шимкевича и многих других. (...)»

Это, по меньшей мере, 1.020 названий книг, которые еще предстоит написать. (...) С появлением «Каталога издательства З.И. Гржебина» к 217-ти утопиям прибавилась еще одна – утопия издательская³.

Для осуществления задуманного нужны были значительные средства. Но Государственное издательство не спешило расплачиваться с Гржебиным за выпущенные им (согласно договору) книги. Издатель вложил в дело свои деньги, взял займы у двоюродного брата – Товия Наумовича Гржебина. 20 февраля 1922 г. Зиновий Исаевич сообщил Горькому: «Я печатаю сейчас много книг, сдал и Лескова и Щедрина в печать. Вообще теперь пойдет у

меня дело довольно усиленным темпом. Около 20 книг сейчас в работе – через месяц-два появятся в свет, но на этих днях сдали еще в печать. (...) Все, что я теперь печатаю (а это стоит очень много денег), я печатаю на деньги, не от правительства полученные. Часть денег брата, часть моих. В общем, рассчитываю сейчас вложить в дело несколько милл. марок. Это даст возможность напечатать такое большое количество книг, что и “утопией” наше дело не будут считать больше»⁴.

Упомянутый в письме брат, Т.Н. Гржебин, жил в Москве. Официально переправить средства из России в Берлин было практически невозможно. Был придуман следующий способ: вещи в посылках направлялись за границу и там реализовывались. Одну из основных ролей в этой операции играл секретарь по экономическим делам Литовской миссии в Москве Н. Миркин. Он писал Горькому 18 декабря 1921 г.:

«Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

По поручению Альберта Петровича я выслал Мironу Наумовичу Крейнину посылку с просьбой ликвидировать ее и выслать Вам деньги.

Сегодня передал Мironу Наумовичу еще одну посылку с таким же поручением, всего на сумму 337 мил. сов. (обе посылки).

Дальнейшие посылки будут посланы тем же путем.

Я сейчас нахожусь в Ровно, куда я приехал по делам Литовской Миссии на несколько дней. (...)»

Относительно Мironа Наумовича Крейнина я уже имел случай Вам говорить, г. Крейнин очень опытный финансист и имеет большие связи в мире торговом и финансовом. Он мог бы быть очень полезным Вам в деле организации снабжения русских ученых за границей. (...)»

Через Мironа Наумовича я также переслал Вам пакет, полученный мною от г. Гржебина (Товия Наумовича. – Е. Н.) в Москве.

На имя М.Н. можете адресовать корреспонденцию в Россию. Она попадет ко мне в Литовскую Миссию (где я состою теперь секретарем по экономическим делам) в Москве, и я уже передам по назначению»⁵.

Горький, с которым план операции не был согласован, попросил (в несохранившемся письме) разъяснений у Гржебина. Издатель ответил 26 декабря 1921 г.: «Дорогой Алексей Максимович, получив Ваше письмо с поручением разузнать, кто такой Крейнин, который имеет для Вас 52.000 м., я узнал следующее: Крейнин – еврейский общественный деятель, отнюдь не мерзавец и даже не осел, получил деньги от Альберта Петровича для Кубу. Лично его я не знаю, но мне говорили о нем как о человеке достойном. Я думаю, что если Альб. Петров. нужно было изыскать способ послать Вам денег для Дома Ученых, то он не ошибся, избрав именно Крейнина»⁶. В действительности деньги предназначались не Кубу (Комиссии по улучшению быта ученых), не для закупки продуктов, а Гржебину. Он прямо написал об этом Горькому 23 января 1922 г.: «Дорогой Алексей Максимович, сейчас я получил от Ив. Павл. письмо, в котором он сообщает, что деньги, которые

¹ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. БИО 17-3-3.

² Подробнее см.: Никитин Е.Н. Неосуществленный замысел «Издательства З.И. Гржебина» // Книга: Исслед. и материалы. 2007. Сб. 87, ч. 2. С. 144–157.

³ Летопись Дома литераторов. 1922. № 1/2. С. 8.

⁴ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-п 22-1-19.

⁵ Там же. КГ-ОД 23-27-1.

⁶ Там же. КГ-п 22-1-14.

послал Вам Альберт Петрович через некоего Крейнина, предназначены для меня. Это сообщение он комментирует словами, совершенно не подходящими, и делает выводы весьма неверные. Я должен раньше всего самым решительным образом отвлечь от себя какие бы то ни было обвинения, что эта посылка мне денег сделана *таким путем* по моему желанию – и уж, во всяком случае, эти обвинения в пользовании Вашим именем для “спекуляции” советскими знаками, как выражается Ив. Павл. Такое утверждение ложно, неприятно и преследует цели, мне пока непонятные. Не я посылал деньги, не я давал распоряжения по этому поводу, и я не могу отвечать за поступки Альберта Петровича. Но не толкуйте эти мои слова в том смысле, что я порицаю Альб[ерта] Петров[ича] и хочу свалить ответственность на него. Я не считаю, что Альб[ерт] Петр[ович] поступил некорректно, но ни оправдывать и ни порицать его я не собираюсь. Как преданный до конца делу, Альб[ерт] Петров[ич] изыскивал способ, как вернее доставить мне деньги. Если бы Вы были там, Вы бы ему сами посоветовали послать этим путем. Вполне уверенный в Вашей абсолютной преданности делу и при том зная Ваши личные отношения к нему – Альберту Петровичу, – он решился это сделать. (...) Если Вас не затруднит, прошу Вас прислать мне письмо на имя г. Крейнина, чтобы он все, что получил на Ваше имя, переслал бы мне»⁷. Реакция Горького на произошедшее была резкой. Он написал И.П. Ладыжникову 25 января 1922 г.: «Дорогой мой Иван Павлович! Какая неприятная история, и как мне жаль, что Вам приходится возиться с нею! Гржебин прислал мне письмо полуизвиняющееся, полупротестующее, в общем – дрянное. (...) Ясно, что мне следует прекратить отношения с ним, что я и сделаю, стараясь причинить ему этим возможно меньше вреда»⁸. Гржебину удалось урегулировать конфликт. Горький не прервал с ним отношений. Однако отправление посылок пришлось прекратить.

Издатель старался распространять свои книги не только в России, но и в других странах. Для этого он заключил договор с книготорговым акционерным обществом «Логос» (Berlin, Markgrafenstrasse, 87). В рекламном объявлении, размещенном в берлинской газете «Дни», оно сообщало о себе: «На складах имеются все изданные за границей русские книги. (...) В Германию, Данию, Финляндию, Италию, Латвию, Литву, Голландию, Норвегию, Швецию, Швейцарию, Чехословакию, Люксембург и Данциг книги, по желанию заказчика, высылаются наложенным платежом. В другие страны – по получении стоимости заказа»⁹. Но платежеспособность эмигрантов постоянно снижалась. Большинству из них было не до покупки книг. 7 октября 1922 г. Гржебин сообщал Горькому: «У нас *издано* уже не менее чем на 25 мил. марок, а “Логос” нам пока не платит». В этом же письме издатель отмечает: «В заказ Госиздата пока тоже приходится все вкладывать и вкладывать деньги – а когда от них получим – еще не известно. Судя по отношению заправила, они все возможное будут делать, чтобы отягчать наше положение. Тот час, когда весь заказ будет готов и мы с ним разделаемся, я буду считать

счастливейшим днем моей жизни. Каждый старается “карьеру” сделать на этом заказе. Ведь это старая история: кто против Гржебина – тот преданный Р.С.Ф.С.Р. человек. Но идти по стопам издательства Гржебина – дело почтенное. Делаем мы глобусы – они за нами. Устроили мы коллегия ученых в Германии – они опять обезьянничают. Теперь они пробуют сманить Брауна и устраивают все “самостоятельно”. Купил я сочинения Толстого – как раз им этот автор по душе – перехватили и его: я оказался эксплуататором, а они спасителями». Однако заканчивается письмо оптимистическим утверждением: «Но, черт с ними! Мы будем спокойно делать свое дело»¹⁰.

Наибольшим читательским интересом из всех изданий Гржебина пользовалась серия мемуаров «Летопись революции». А самыми востребованными воспоминаниями оказались «Записки о революции» Н.Н. Суханова¹¹. Ими зачитывались друзья и недруги издателя. Вдова Н.И. Бухарина вспоминала: «...многотомные “Записки о революции” вызвали много споров, читались большевистской верхушкой в захлеб»¹². Ленин, будучи уже тяжело больным, нашел нужным откликнуться на выход «Записок» статьей «О нашей революции», напечатанной 30 мая 1923 г. в «Правде», «Петроградской правде» и «Красной газете».

Видя, каким успехом пользуется серия «Летопись революции», издатель принял решение начать выпуск журнала под таким же названием (совершенно не учитывая, какую реакцию это вызовет в Москве). В редакционную коллегия нового издания вошли: Горький, Ю.О. Мартов, Б.И. Николаевский и Н.Н. Суханов.

А в это же время в «Издательстве И. Ладыжникова» вышла горьковская брошюра «О русском крестьянстве» (Берлин, 1922). Ее содержание возмутило многих. В частности экономист К.-А.Р. Кочаровский, в прошлом народник, 19 октября 1922 г. написал Горькому: «Многоуважаемый Алексей Максимович. Я получил от секретаря редактируемой Вами “Летописи Революции” приглашение написать для нее. К сожалению, не могу согласиться на это сотрудничество». Далее К.-А. Р. Кочаровский дает оценку брошюре Горького (ее содержание – причина отказа от сотрудничества в журнале): «Я не беру на себя судить Вас лично. Я пишу Вам все это как научный исследователь, принадлежащий к тому же поколению, что и Вы, но ускользнувший от его настроения и психологии, ибо с юности весь ушедший в научное изучение народа и потому серьезно знающий народ. И я констатирую, что Вы, почти не побывав лично в глубинах крестьянства, совершенно не изучив его научно-статистически, т.е. значит *вовсе его не зная*, решаетесь, по нескольким фактам и впечатлениям, его судить, осуждать, обличать пред интеллигенцией, пред всем миром. Констатирую, что обличение это Ваше

¹⁰ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-п 22-1-24.

¹¹ Суханов Н.Н. Записки о революции. Берлин; Пб.; М., 1919–1923. Кн. 1–7. Первая книга выдержала четыре издания. «Записки о революции» в виде трехтомника, снабженного предисловием и примечаниями А.А. Корникова, были переизданы в 1991–1992 гг. в Москве Политиздатом, преобразованным в 1992 г. в издательство «Республика».

¹² Ларина (Бухарина) А.М. Незабываемое. М., 1989. С. 26.

⁷ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-п 22-1-16.

⁸ Там же. ПГ-рл 22-1-184.

⁹ Дни. 1925. № 656. 4 янв.

есть сплошная фактическая неправда, рожденная и отравленная особенно острым у Вас крестьянофобством. И как русский гражданин, вижу, что эта исходящая от Вас – поддержанная Вашим талантом и искренностью – отравленная неправда о русском крестьянском народе представляет практически страшное дело: содействует расколу между ним и интеллигенцией, оправдывает и усиливает презрение и империалистическое отношение к России других народов. Фактически Вы действуете как враг русского народа»¹³.

В связи с этим и подобными посланиями Горький 1 ноября 1922 г. попросил Гржебина: «Уже не первое письмо такого содержания получаю я и надеюсь получить еще немало, после опубликования моей книги. Я думаю, – я увидел – что отношение ко мне, вызванное моим взглядом на крестьянство, будет усиливаться и, несомненно, повредит делу “Летописи” – делу очень ценному. Поэтому я еще раз настоятельно предлагаю членам редакции “Летописи” вычеркнуть мое имя из состава редакционной коллегии. Надо согласиться, что делу это не повредит, а лишь поможет его росту – и я прошу удовлетворить просьбу мою»¹⁴.

В результате было принято решение – состав редакционной коллегии в журнале не указывать.

Первый номер «Летописи революции» увидел свет в Берлине в середине января 1923 г. В статье «От редакции» были названы цели, которые ставит перед собою журнал: «Собрать и, в меру возможности, исследовать материал для изучения прежних революционных движений и незаконченной нынешней революции является задачей нашей “Летописи”. (...) По мере возможности, журнал будет уделять место революционным движениям и развитию революционных идей на Западе. (...) Рядом с законченными статьями, очерками, мемуарами и документами прошлого, “Летопись” будет периодически давать критический обзор появляющейся на русском и иностранных языках литературы по революционной истории. Преследуя исключительную цель изучения истории революционных движений и событий и собирания материала для такого изучения, “Летопись Революции” не связывает себя в выборе сотрудников никакими партийно-политическими рамками. Всякий очерк, всякое сообщение, носящее характер достоверности, найдут место на ее страницах, как показание очевидца событий или как работа исследователя, независимо от политической тенденции и симпатий автора. Отвергая, разумеется, тенденциозное извращение фактов, редакция предоставляет каждому сотруднику освещать изображаемые им события с той степенью политической субъективности, которая необходимо обусловлена его общим мировоззрением, хотя бы это освещение и было с точки зрения редакции неправильным. Роли судьи в этом случае редакция на себя не берет»¹⁵.

В журнале рядом с очерком Горького «В.Г. Короленко» помещены: статья Ф. Энгельса «Положение дел в России в 1871 г.», письмо Г.В. Плеханова

¹³ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-рл 13-89-1.

¹⁴ Цит. по: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921–1923. Париж, 1983. С. 372.

¹⁵ Летопись революции. 1923. № 1. С. 5–6.

в редакцию «Рабочей газеты», мемуары: Э. Бернштейна «Воспоминания о М. Драгоманове и С. Подолинском», Е.Л. Бройдо «Группа “Социалист” и “Рабочая библиотека” 1899–1901 гг.», В.С. Войтинского «Дело с.-д. фракции II Государственной думы и военная организация», В.Я. Гуревича «Все-российский крестьянский съезд и первая коалиция», Ф.И. Дана «К истории последних дней Временного правительства», И.К. Каховской «Террористический акт против генерала Эйхгорна», Г.П. Максимова «В годы войны (из записок анархиста)», М.С. Маргулиеса «Ясская делегация», Л. Мартова «К истории социал-демократических идей в России», С.Г. Сумского «Одиннадцать переворотов (гражданская война в Киеве)», Я.Л. Тейтеля «Суды по аграрным делам в годы реакции», В.М. Чернова «От “Революционной России” к “Сыну отечества”», обзор Б.И. Николаевского «Исторические журналы в Советской России».

Гржебин строил широкомасштабные планы, пытался привлечь к сотрудничеству наиболее известных политиков. 18 февраля 1923 г. он писал своему другу В.А. Могилевскому, заведовавшему конторой парижских «Последних новостей»: «Во-первых, хочу пригласить Вас принять участие в нашем журнале “Летопись революции”. (...) Вторая моя просьба это – переговорить с Павлом Николаевичем Милуковым, не согласится ли он написать свои воспоминания. Никаких ограничений – ни по объему, ни по характеру, ни по форме – я ему не ставлю. Он может писать, как он хочет и что он хочет. Мне приятнее всего было бы получить воспоминания всей его такой богатой и значительной жизни. (...) О моем издательстве много чепухи писали. Но судить нужно по моим делам. Я издаю русскую литературу, учебники, биографии замечательных людей, детскую литературу, книги по искусству и “Летопись Революции” – журнал и библиотеку мемуаров. В этом последнем отделе никакой политической тенденции никто не усмотрит. Я готов печатать от Ленина до Шульгина и еще правее, если это будет талантливо и правдиво (вернее искренно)»¹⁶. Сотрудничать с «Летописью революции» обещали: Р.А. Абрамович, Ф. Адлер (Австрия), П.Б. Аксельрод, Г.Я. Аронсон, А. Белый, Л.Е. Берлин, Г.О. Биншток, Ж. Брак (Франция), В.В. Водозов, М. Володин, С.Х. Гогель, В. Горн (В.Г. Громан), Р.Б. Гуль, Л.Г. Дейч, О. Доманевский, А.Э. Дюбуа (А.В. Горский), А.И. Изюмов, К. Каутский (Германия), Вл. Коссовский (М.Я. Левинсон), Г. Майер (Германия), Ф. Мендерс (Вейс) (Латвия), Марк Мрачный, Н.Я. Николадзе, П. Ольберг, М. Панин (М.С. Макадзюб), С.П. Постников, Ян Райнис (Латвия), С. Саакьянц, М.Л. Слоним, В.Б. Станкевич, Н. Тасин (Н.Я. Коган), Э. Фрисланд (Германия), В.Б. Шкловский, А.А. Шрейдер, Г.И. Шрейдер, А. Штейн (Рубинштейн), Х. Элиас (Латвия), А. Югов (Фрумсон), И.Л. Юдин (Айзенштадт)¹⁷.

Когда журнал дошел до российской столицы, реакция большевистского руководства, как и следовало ожидать, была негативной. Оно ко всему, что выходило под маркой «Летопись революции», относилось отрицательно. Промосковская газета «Накануне» в репортаже с устроенной Гржебиным выставки, давая в целом положительную оценку работы издательства,

¹⁶ Цит. по: Гржебина Е. З.И. Гржебин – издатель // Solanus. 1987. V. 1. P. 23–24.

¹⁷ См.: Летопись революции. 1923. № 1. С. 319.

в то же время писала: «Удивляет отдел книг о русской революции, где стоит особняком Луначарский с “Великим переворотом”. На какой круг читателей он рассчитан? На закоснело-эмигрантский разве... ибо рассуждения о революции Виктора Чернова и ему подобных в России никому не нужны»¹⁸. В. Невский, один из самых объективных советских историков, в рецензии, опубликованной в «Пролетарской революции», отмечал: «Журнал, в котором печатают свои статьи такие видные деятели-меньшевики, как Ю.О. Мартов, Ф.И. Дан, П.Б. Аксельрод, такие социалисты-революционеры, как В.М. Чернов, такие представители западноевропейской соц.-демократии, как К. Каутский, – историко-революционный журнал с такими силами, несомненно, является одним из интереснейших исторических журналов [...] Прекрасны воспоминания М. Горького о В.Г. Короленко»¹⁹. Но, заканчивая рецензию, он отметил: «...приходится под конец нашей заметки коснуться одной характерной стороны журнала, – *этого меньшевистско-эсеровского нефракционного объективизма* (известно, что большевистские исторические журналы отличаются “фракционным субъективизмом”, по словам Л. Мартова). В чем же выражается этот объективизм “Летописи Революции”? Да в том, что редакция журнала с большим удовольствием печатает все, что, по ее мнению, может опорочить, оплевать зловерный, ненавистный ей большевизм. Стоит только пробежать статью С. Сумского, чтобы убедиться в этом, стоит только прочесть воспоминания Дана, чтобы узнать о большевистской опасности, стоит просмотреть статью В. Гуревича о крестьянском съезде, чтобы узнать все грехи Ленина и Зиновьева за эту эпоху. [...] Мы не знаем, кто редактирует “Летопись Революции”, на чьи деньги издается она [...] видно, что “нефракционная объективность”, проповедующая борьбу с большевиками и поносящая Советскую власть, будет и впредь процветать на страницах журнала»²⁰.

Упрек иного рода высказал историк-эмигрант С.П. Мельгунов: «От первой книжки журнала ждешь всегда большего, чем он может дать. И в этом отношении книга “Летописи” значительно разочаровывает. [...] Ничего там нет из истории коммунистической власти, т.е. из тех сфер, которые недоступны в настоящее время для изучения историков, не сопричисленных к “героической железной когорте революции”. Между тем для журнала, издающегося за границей, как раз недозволенное должно было быть предметом особо заботливых изысканий. И отсутствие именно этого материала уменьшает ценность журнала»²¹.

Власть на выход журнала ответила по-своему. Б.И. Николаевский 25 июня 1923 г. сообщил Горькому: «Хороню “Летоп. Революции” Приехал из Москвы Товий Наумович Гржебин, рассказывает, что его 16 раз вызывали в чека по “делу “Лет. Рев.” Дело это – толстое-претолстое; камень, на котором построена его церковь, – список сотрудников. Зиновий Исаевич, и перед

¹⁸ Петровская Н. Выставка книг, выпущенных издательством З.И. Гржебина в Берлине // Накануне (Берлин). 1923. № 469. 25 окт.

¹⁹ Пролетарская революция. 1923. № 3(15). С. 314.

²⁰ Там же. С. 320–322.

²¹ Дни (Берлин). 1923. № 68, 20 янв. (подп.: С. М-в).

этим, по существу, уже решивший судьбу “Л.Р.”, теперь окончательно укрепился в этом направлении. Даже второй № выпущен не будет»²².

Москва не ограничилась заведением уголовного дела. 28 апреля 1923 г. вышел циркуляр за подписью П.И. Лебедева-Полянского, в котором отмечалось: «Настоящим Главлит предлагает принять срочные меры к недопущению в дальнейшем ввоза из-за границы в РСФСР книг издательства Гржебина и распространения их в РСФСР»²³. Через некоторое время то же ведомство выпустило документ более широкого содержания: «*Секретно. Циркулярно.* Всем Гублитам и Облитам. Книги всех германских издательств, кои имеют своей маркой города русские и немецкие, как-то: Берлин–Москва, Берлин–Петроград, Лейпциг–Москва впредь до особого распоряжения Главлита к ввозу в РСФСР из-за границы не допускаются. К таковым относятся: 1. Гржебин (Петроград–Москва–Берлин); 2. “Петрополис” (Петроград–Берлин); 3. “Возрождение” (Москва–Берлин)»²⁴.

Несколько ранее запрета на ввоз последовало распоряжение об изъятии из продажи уже поступивших в Россию книг, выпущенных «Издательством З.И. Гржебина». 21 апреля 1923 г. Горький сообщил Р. Роллану: «...недавно в Москве запретили продавать мои книги “Детство”, “Воспоминания” о Толстом, Андрееве и проч.»²⁵.

Гржебин пытался объяснить с советской властью. Он сообщил Горькому 4 июля 1923 г.: «Я должен был написать Товию Наумовичу письмо, которое станет известным в Москве. Ввиду серьезности этого вопроса я не могу решиться на это, не посвятив Вас в него. Бор. Ив. (Николаевский. – Е. Н.) одобрил содержание письма. Если Вы имеете возражения против прилагаемого письма, прошу Вас телеграфировать мне по адресу: “Берлин – Издательство”»²⁶. В письме к Т.Н. Гржебину говорилось: «Ознакомившись с твоими словами со всеми обстоятельствами дела нашего Издательства в России, я категорически отклоняю от себя все обвинения против меня и моей деятельности, направленной будто бы во вред интересам Р.С.Ф.С.Р. [...] наше Издательство русское, я – гражданин Р.С.Ф.С.Р. и, конечно, подчиняюсь всем действующим ее законам. “Летопись Революции” в том виде, в каком она издается мною, является изданием, преследующим исключительно *научные* задачи: всестороннего и беспристрастного изучения истории революционного движения в России; круг авторов, привлекаемый издательством к участию в ней, определяется исключительно степенью исторической ценности даваемых ими материалов»²⁷. Это наивное объяснение (да и любое другое) ничего не могло изменить. Горький это понимал. Он написал Гржебину 7 июля 1923 г.:

²² Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-п 53-20-18.

²³ Цит. по: Блюм А. Печать русского зарубежья глазами Главлита и ГПУ: По архивным документам советской цензуры 20-х годов // Новый журнал (Нью-Йорк). 1991. № 183. С. 273.

²⁴ Там же. С. 274.

²⁵ Архив А.М. Горького. М., 1995. Т. 15. С. 58 (публ. Л.А. Спиридоновой).

²⁶ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-п 22-1-40.

²⁷ Там же. КГ-изд 15-37-2.

«Милый Зиновий Исаевич!

По поводу письма Товию я могу сказать лишь одно: “ничего не попишешь”, как говорят в случаях безнадежных.

Конечно, можно бы написать более подробно – ведь Вам есть что сказать – и более веско. Но – сойдет и так.

Просите Бор. Ив. (Николаевского, который был женат на сестре А.И. Рыкова. – *Е. Н.*) послать копию письма Рыкову или пришлите ее мне, я сам пошлю. Пришлите даже две копии»²⁸.

Советская власть и без выхода первого номера «Летописи революции» поступила бы точно так же, как и после его напечатания. Его появление лишь в какой-то мере заставило большевиков действовать активнее. Ускорило события и появление названной выше статьи Ленина о «Записках» Н.Н. Суханова. Е.А. Динерштейн отмечает, что предлогом к репрессивным действиям в отношении «Издательства З.И. Гржебина» «послужили широко ныне известные замечания Ленина на второй том “Записок о революции” Н. Суханова. “Перелистав”, по его словам, эти “записки”, он счел необходимым их прокомментировать и наряду со своими “замечательными” статьями продиктовал стенографистке замечания по поводу гржебинского издания. Политбюро восприняло указания больного вождя как директиву и на своем заседании 29 марта 1923 г., выслушав сообщение Троцкого, поручило О.Ю. Шмидту “принять меры к ликвидации договора с Гржебиным с наименьшим денежным ущербом для РСФСР и с полнейшим финансовым и торговым бойкотом этого издательства”. Одновременно заместителю председателя Совнаркома Л.Б. Каменеву рекомендовалось “провести это решение в соответствующей форме в советском порядке”, а секретарю ЦК поручалось “договориться с товарищем, взявшем на себя обязательства перед издательством Гржебина, о ликвидации этих отношений”»²⁹.

Одним из следствий принятого Политбюро решения стал Третейский суд, проходивший в Берлине под председательством Ф.А. Брауна (члены суда Б.К. Зайцев и С.Е. Кальманович) с 25 апреля по 4 мая 1923 г. Суд должен был разобраться с финансовыми претензиями, предъявляемыми Гржебину Госиздатом. В день первого заседания суда Зиновий Исаевич писал Горькому: «Начался мой суд с Госиздатом. Начались страдные дни. В своем “историческом” обзоре я коснулся той травли, какой подверглись со стороны разных Вейсов и Заксов. Я цитировал Ваше письмо к Ленину, Каменеву и Рыкову для иллюстрации. Кажется, это произвело впечатление на суд. Очень жаль, что Вы лично не можете сейчас быть здесь. Сейчас решается судьба нашего дела. Просто не могу даже представить, что будет, если я потеряю дело. При том катастрофическом положении, какое мы переживаем в России, книжном кризисе. Здесь, безденежье и т.п. – потеря дела на процессе – это гибель»³⁰. В ходе разбирательства выяснилось: финансовые претензии к Гржебину – не обоснованы, наоборот, Госиздат должен ему

²⁸ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. ПГ-рл 11-20-12.

²⁹ Динерштейн Е. К истории отъезда М. Горького из советской России // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 385.

³⁰ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-п 22-1-48.

выплатить 15 000 долл. США. Но Госиздат стал требовать уменьшения названной суммы до 12 600 долл. Е.А. Динерштейн пишет: «Окончательное решение конфликта предполагалось перенести в Третейский суд, который должен был состояться в Москве, но Гржебин благоразумно туда не поехал. Во всем остальном он охотно шел навстречу советской стороне, рассчитывая, что Госиздат, в конечном счете, какую-то часть его книжных запасов выкупит (о чем, кстати, существовала устная договоренность со Шмидтом). Вероятно, московские коллеги выполнили бы свои обязательства, если бы в начале февраля (1924 г. – *Е. Н.*) Гринберг не получил список эмигрантских издательств, чьи книги вне зависимости от содержания запрещались к ввозу в Россию. Среди них значилось и издательство Гржебина»³¹.

Гржебин был вынужден продолжать переговоры с Государственным издательством, идти на уступки, кроме России, ему некуда было деть выпущенную продукцию. В Берлин поехал руководитель Госиздата О.Ю. Шмидт. Издатель сделал ему новое, очень выгодное предложение. Зиновий Исаевич сообщал Горькому 29 сентября 1923 г.: «Дорогой Алексей Максимович, положение мое отчаянное: здесь ни издавать, ни продавать нет возможности. Приехал Шмидт, и я предложил ему купить все изданные мною книги (весь склад) с тем, что уплачивает он мне на 1/3 меньше, чем мне самому книги обошлись. При этом условия платежа даю ему самые льготные – кредит до 15 месяцев. Таким образом, он сумеет мне заплатить из моих же книг и получит, ничего не затратив, большую прибыль». Далее Гржебин пишет: «1/2 следуемой мне суммы он должен уплатить мне за границей, другую половину – в России, куда я и перееду, чтобы снова начать дело, снова строить или продолжать – как хотите – издательство. Другого выхода нет. В принципе он согласился, я должен подготовить конкретный материал, чтобы реально говорить дальше. Значит в перспективе переезд в Россию, если не сейчас, то после зимы, и снова работать. Как Вы это находите? Другой план у меня: открыть отделения в Праге, Ревеле и Париже. Самому с семьей переехать в Париж и... тосковать по настоящей живой работе».

Гржебин понимал: за границей ему не позволят наладить издательское дело. В этом же письме читаем: «Здесь они мне денег не дадут, т.к. не верят мне и побоятся, что здесь буду издавать контрреволюционную литературу. У меня нет никаких средств, чтобы убедить их в вздорности такого предположения»³².

Горький ответил 5 октября 1923 г.:

«Вы, конечно, понимаете, З.И., как трудно мне советовать Вам в данном случае, но положение кажется мне безвыходным. В Германии работать – невозможно, Вы знаете это лучше меня. Да и вообще я не вижу, в какой стране сейчас возможно было бы прочно поставить русское книгоиздательство? Можно говорить лишь о художественных изданиях, которые найдут сбыт среди иностранцев, а количество русского читателя должно быстро уменьшаться вследствие падения покупательной способности и ухода из Европы – в Россию, в Америку. Сейчас даже в Индостан люди едут.

³¹ Динерштейн Е. Крах берлинского издательства З.И. Гржебина // Euphoric orientalis. 1995. V. 14. № 2. Р. 107–108.

³² Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-п 22-1-42.

Но – дадут ли Вам работать в России? Вот вопрос. Не поднять ли Вам пред Шмидтом вопрос о Вашем участии в Госиздате как специалиста, консультанта? Это создало бы Вам официальное положение и, вероятно, не мешало бы работать.

Очень грустно»³³.

Если большевики считали издателя контрреволюционером, то многие эмигранты – советским шпионом. Гржебин сообщил Горькому 24 февраля 1924 г.: «В Париже все-таки очень хорошо. Я пишу это письмо из Берлина, где сейчас нахожусь, и вижу, какая большая разница между этими двумя городами. Но часть русской колонии – отвратительна. К счастью, их не так уж много. Но злости в них хоть отбавляй. Я послал Вам “Русскую газету”. Вы видите, как взялись за меня»³⁴. В письме речь идет о статье Ирмана «Гржебин за работой», опубликованной в «Русской газете в Париже» 11 февраля 1924 г. В статье отмечалось: «В Париж приехал обер-издатель совбандитов, пресловутый Гржебин. (...) Гржебин и К° (читай: Ц.К. коммунистического интернационала) открывает в Париже издательство. Сие учреждение будет выпускать русские книжки, какие-то листки, – все это, конечно, без ятей и твердых знаков, – и, вообще, захватывать русский издательский и книжный рынок в Франции, в целях исключительно московской красной ракалии. У тех, которые сюда командировали Гржебина, расчет ясный: Бить в голову! Схватить за глотку антибольшевистское печатное слово, творящее свое дело за пределами досягаемости “товарища” Уншлихта. (...) Чего ради этот большевистский прихвостень перекочевал со своими последышами в Париж? Уж будто ему так плохо жилось в Совдепии на коммунистических хлебах? Разумеется, нет. Он приехал сюда с нарочитой целью. (...) Русские люди! Берегитесь! К вам приблизилась провокация!» Травля была продолжена и в следующем номере, от 18 февраля (газета выходила один раз в неделю), в неподписанной статье.

Возможно, автором статьи «Гржебин за работой» был проживающий в сербском городе Нови-Сад генерал Владимир Александрович Ирман (Ирманов). Он возглавлял местный отдел Союза монархистов. Военный, в Русско-японскую войну защищавший Порт-Артур, а теперь доживавший свой век в эмиграции, лично не знал Гржебина, все изложенные в его статье домыслы, не имеющие никакого отношения к действительности, были, вероятно, внушены ему редакторами газеты – Е.А. Ефимовским и А.И. Филипповым. Филиппов хоть и с большим опозданием, 13 февраля 1925 г., все же послал Гржебину письмо с извинениями:

«Милостивый Государь, Зиновий Исаевич,

В номере от 11 февраля 1924 года еженедельной “Русской Газеты”, на основании полученных редакцией сведений, была помещена статья, в которой возводились на Вас различные обвинения.

Теперь редакцией произведено всестороннее расследование по этому поводу, причем выяснилось, что редакция была введена в заблуждение.

³³ Цит. по: Гржебина Е. З.И. Гржебин – издатель. Р. 29.

³⁴ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-п 22-1-46.

Никаких компрометирующих Вас сведений, о которых упоминалось в статье г. Ирмана, не обнаружено.

Поэтому редакция считает своим долгом принести Вам свои извинения и выразить глубочайшее сожаление о случившемся»³⁵.

Сразу же после опубликования статьи Ирмана свое возмущение ее содержанием высказал издателю М.А. Осоргин. Он писал 9 февраля 1924 г.:

«Многоуважаемый Зиновий Исаевич,

В монархическом нечистоплотном листке “Русская Газета”, где, к сожалению, пишут Куприн и Шмелев, появилась большая анонимная клеветническая статья против Вас, характера контрразведочного (“Р[усская] Г[азета]” № 6, от понед[ельника] 11 февраля; газета рассылается подписчикам за три дня до даты).

Каждый видный общественный деятель время от времени подвергается подобным непристойностям. Думаю, что деятельное уважение друзей служит некоторой компенсацией для тех, кому приходится терпеть от гнусных выходок анонимов. Позвольте только выразить надежду, что Вы сочтете излишним чем-нибудь реагировать на статейку уличного листка, вполне заслужено пользующегося презрением порядочных людей»³⁶.

В связи той же публикацией 10 марта 1924 г. Гржебину направило письмо Правление Союза русских издателей и книгопродавцев в Германии. В письме говорилось:

«Милостивый Государь Зиновий Исаевич.

До Правления Союза Русских Издателей и Книгопродавцев в Германии дошли – с запозданием – сведения о двух статьях, направленных против Вас и помещенных в издающейся в Париже “Русской газете”.

Ознакомившись с означенными статьями, Правление считает своею обязанностью обратиться к Вам с нижеследующим:

Правление Союза, обнимающего почти все русские издательские и книготорговые предприятия в Германии, имело возможность ближайшим образом наблюдать за Вашою издательскою деятельностью в Германии с самого начала Вашей издательской работы здесь в 1921 году и по настоящее время.

Вами развита за эти два с половиною года деятельность, которая не может не быть названа в высокой степени интенсивною. Вами издано за этот период времени, по имеющимся у нас данным, свыше 200 томов. С точки зрения технической, такой результат не может не быть назван в высокой степени успешным.

Обращаясь к содержанию Вашей издательской деятельности за указанный период времени с точки зрения характера и оценки изданных Вами книг, Правление считает нужным указать, что ответ на этот вопрос дается уже каталогом Вашего издательства. Вами изданы многочисленные произведения русской художественной литературы, как классической (Лермонтов, Достоевский, Ал.К. Толстой, Щедрин, Лесков), так и современной (Бор. Зайцев, М. Горький, А. Ремизов, Евг. Замятин и мн. др.). Наряду с этим особенно

³⁵ Цит. по: Гржебина Е. З.И. Гржебин – издатель. Р. 26.

³⁶ Ibidem. Р. 24–25.

выделило Вашу издательскую работу из деятельности большей части русских издательских предприятий за границей издание значительного количества произведений русской научной литературы, в ряду которых особое место занимает капитальный, европейски-известный 5-томный курс физики петербургского профессора О.Д. Хвольсона. Наконец, Вами изданы книги мемуарного характера. Эти последние суть единственные, по содержанию соприкасающиеся с областью политики в широком смысле этого слова, — и, в виду характера предъявляемых к Вам названною выше газетою обвинений, мы считаем себя обязанными указать, что в числе изданных Вами произведений мемуарной литературы имеются наряду с воспоминаниями лиц, более или менее близко стоящих к нынешней русской власти или ей симпатизирующих (Суханов), также воспоминания лиц, этой власти враждебных и ведущих с нею борьбу (Мартов, Маргулиес).

Правление Союза, не считая себя в праве выходить из возложенных на него функций органа профессионального объединения русских издателей и книгопродавцев, может, тем не менее, с определенностью констатировать, что Ваша издательская деятельность здесь на протяжении двух с половиною лет, прошедшая на глазах Правления, не имела ни в какой мере содержания, которое имело бы отношение к политике, и тем менее носила какую бы то ни было политическую окраску. В частности, о какой бы то ни было коммунистической пропаганде, Вам инкриминируемой, в рамках издательской Вашей деятельности не может быть и речи.

Правление с удовольствием исполняет возложенное на него состоявшимся 8 сего марта общим собранием членов Союза поручение выразить Вам чувства возмущения по поводу допущенных по Вашему адресу инсинуаций.

Со своей стороны Правление просит Вас принять выражения его искреннего сочувствия»³⁷.

Несмотря ни на что Гржебин продолжал упорно делать свое дело. Пытаясь приспособиться к сложившейся ситуации, он решил сделать упор на выпуск детской литературы. 12 января 1924 г. он написал Горькому из Парижа (куда переехал с семьей в конце 1923 г. в связи с изменившейся экономической ситуацией в Германии: «Я пригляделся в Германии и во Франции и крепко убедился, что детская литература стоит на самом низком уровне. Я хочу создать если не специальное издательство, то расширить наш детский отдел, но издавать одновременно по-французски, английски (для Америки гл. образом) и русски. Но то, что я издал в этом направлении до сих пор, очень плохо. Надо сделать так, как до сих пор еще не делали или редко делали. Т.е. вполне художественно и очень **понятно** для детей. Главное, чтобы было *увлекательно*. Текстом зачитываться, рисунками — заглядываться. Это можно сделать, если над каждой книжкой работать. Бакст рисует книжку “Жар-птица” (смесь “Конька-горбунка” и др. сказок на эту тему). Эта сказка выйдет “роскошной”, сказочной по краскам, золоту, серебру, сказочной во всех отношениях. Когда рисунки будут готовы, мы составим текст к ним (Ремизов или кто другой?). Но мы не будем останавливаться на русских

сказках. Их всего одна-две-три. Надо французские, немецкие и проч. Бенуа пригласит для этого дела лучших французских и английских художников»³⁸. И через месяц, 24 февраля, заявил Горькому об этом же: «Переезжает в Париж и Саша Черный, который, по-видимому, тоже не прочь работать у нас в детском издательстве. В это дело (детское издательство в европейском масштабе) я верю. Это мне должно удалиться»³⁹.

Не только сказки, но и книги по искусству Гржебин намеревался издавать на иностранных языках. Он заказал М.И. Будберг перевод на английский язык монографии П.П. Муратова «Древнерусская живопись». Она сообщила Горькому 18 августа 1923 г.: «...сейчас перевожу посланную мне Гржебиным рукопись о древней русской иконописи»⁴⁰. Через месяц, 29 сентября, издатель спросил Горького: «Мария Игнатьевна обещала прислать перевод “Икон”, не готовы еще?»⁴¹ Муратовскую книгу, в конце концов, выпустил римский издатель Сток — в переводе на итальянский и французский языки⁴².

Осуществлению намеченных планов мешало отсутствие денег. Их можно было получить только из России. Издатель это хорошо понимал. Рассказав Горькому в письме от 12 января 1924 г. о намеченном издании детских книг, Гржебин добавил: «Конечно, многое, если не все, зависит от того, какой оборот примет мое дело с Госиздатом»⁴³. А Госиздат платить не спешил. Ситуация только ухудшалась. 24 февраля 1924 г. Гржебин писал Горькому: «Но деньги — где взять деньги? 3 дня тому назад Гринберг получил список издательств, чьи книги запрещены для ввоза в Россию. Ладыжников, Эпоха и, конечно, Гржебин попали в этот черный список. А сегодня я получил из Москвы от Товия телеграмму: “дело усложняется, решение будет 27-го”. Плохо это. Я так надеялся на Госиздат, так рассчитывал, так был уверен даже, что это теперь доводит меня до отчаяния. Что от меня хотят! Почему так травят меня со всех сторон! Что я им сделал?!» А через девять месяцев, 29 декабря, сообщил писателю: «Еще год тому назад я издавал много книг, строил хорошее и многообещающее дело — и в один год все прахом пошло. Образовался огромный склад (свыше чем на 220.000 долларов) без какой-либо возможности куда-нибудь пустить книги. Заграничный рынок настолько ничтожен, что продажа еле покрывает расходы по содержанию склада. Издавать что-либо новое — невозможно. И чем дальше — тем хуже, заниматься другими делами не могу и не хочу. Почти год прошел, как Госиздат заключил со мною договор, по которому весь мой склад ушел бы в Россию, они бы очень много на этом заработали, и у меня была бы возможность дальше успешно работать. Но “кто-то” мешал Шмидту. Так ничего и не вышло. Теперь несколько раз Раковский писал в Москву, телеграфировал,

³⁸ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-п 22-1-45.

³⁹ Там же. КГ-п 22-1-46.

⁴⁰ Архив А.М. Горького. М., 2001. Т. 16. С. 75.

⁴¹ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-п 22-1-42.

⁴² *До Гамто* Э. Мои встречи с Россией / Под ред. А. Ло Гатто Мавер; Пер. К. Гладыш и И. Дергачевой. М., 1992. С. 38.

⁴³ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-п 22-1-45.

³⁷ Цит. по: Гржебина Е. З.И. Гржебин — издатель. Р. 25–26.

Томский старался, но этот “кто-то” сильнее людей, которые мне протежируют. Главный из этих “кто-то” Ионов. Какую только небылицу он ни выдумывает, чтобы восстановить против меня. Я и забастовки устраивал в типографиях, где он печатал книги, я и... и т.д. Скучно все перечислять. Что можно мне ждать от нового правления Госиздата, где председатель Ионов, а член правления – Вейс»⁴⁴. В этот же день Горький написал Гржебину: «Приехала В.М. Ходасевич, рассказала немножко о Вас, и очень мало! Сообщила, что Вы не хотите писать мне о печальном. Напрасно. Пишут всегда именно о печальном, радостями делиться не принято. Как Ваши дела? Слышал – плохо? Могу сказать, что при Ионове, наверное, будет еще хуже. Он выучился работать, любит книжное дело, но остается таким же полоумным, каким и был. Получил я именно экземпляр книги Муратова, – сердечное спасибо!»⁴⁵

Писатель благодарит издателя за присланный трехтомник «Образы Италии» (Берлин, 1924). Исследование П.П. Муратова – последнее, что удалось выпустить в свет Гржебину (какие трудности ему при этом пришлось преодолеть, мы рассказали в начале нашей работы), его лебединая песня. В 1994 г. этот созданный Гржебиным книжный памятник переиздала московская «Республика». Были и позднее перепечатки. Столь же большое значение для отечественной культуры, как и исследование П.П. Муратова, имеет еще одно гржебинское издание – труд философа-марксиста А.А. Богданова «Тектология. Всеобщая организационная наука» (Берлин; Пг.; М., 1922; первое полное издание). В 1989 г. он был переиздан московским издательством «Экономика», в серии «Экономическое наследие».

Всего Гржебиным было выпущено более 200 различных книг⁴⁶.

Чувствуя, что он скоро вынужден будет прекратить издательскую деятельность, Гржебин решил показать всем результат своей работы – устроил книжную выставку. Она была открыта в Берлине два дня – 13 и 14 октября 1923 г. В репортаже с выставки Н.И. Петровская писала: «Таким образом, книгоиздательству удалось выпустить за полтора года 225 книг, пятитомную “Физику” Хвольсона и “Звездный атлас” К.Д. Покровского с картами тончайшей работы на кальке. Среди книг по искусству нужно отметить А.Н. Кубе “Историю фаянса”, с иллюстрациями, и В.А. Никольского “История русского искусства” (тоже иллюстрированная). Готовятся к печати “Художественные письма” (20 лет русского искусства) Ал. Бенуа, – это издание будет дорого многим. Удачен набор детских книг с иллюстрациями Добужинского. Прекрасны его рисунки к “Сказке о рыбаке и рыбке”, к “Коту в сапогах” и “Мальчику с пальчик” {...} В смысле технических достижений книгоиздательство З.И. Гржебина прогрессирует с каждым новым выпуском. Книги издаются тщательно, с несомненным вкусом. {...} Выставку посетили известные писатели, художники и журналисты»⁴⁷. Переехав во Францию, Гржебин и парижанам показал результат своей издательской деятельности.

⁴⁴ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-п 22-1-50.

⁴⁵ Цит. по: Гржебина Е. З.И. Гржебин – издатель. Р. 30.

⁴⁶ См. перечень выявленных нами книг, выпущенных «Издательством З.И. Гржебина»: Библиография. 2005. № 5. С. 95–100.

⁴⁷ Накануне (Берлин). 1923. № 469. 25 октября.

9 января 1924 г. парижские «Последние новости» сообщали своим читателям: «Выставка книг издательства З.И. Гржебина. Естествознание. Медицина. Гуманитарные науки. Искусство. Русская литература. Мемуары. Биографии. Книги для детей. Открытие выставки в пятницу 11 янв. в 3 часа дня. Вход свободный. 6. Rue Godot de Maugay». Гржебин писал Горькому из Парижа 12 января 1924 г.: «Устроил я здесь выставку всех изданных нами книг. Долго я колебался делать это, но сейчас не жалею. Народу на выставку ходит много, самого разнообразного. Маклаков, шлиссельбуржец Иванов, художники, учителя, профессора и т.д. Все были раньше всего удивлены количеством изданных книг, несколько задерживает восторги новая орфография (все еще!). Но, в конце концов, и с этим мирятся, побежденные удельным весом книг, внешностью и проч. Так или иначе, но все в один голос поздравляют и удивляются. Да я и сам вижу теперь, что сделано много»⁴⁸.

«Сделано много» – издатель имел полное право так сказать, подводя итог своей деятельности.

1925-й и последующие годы для Гржебина – время борьбы с нищетой. Он ищет работу. И находит. 6 марта 1925 г. сообщает Горькому: «Я работаю сейчас у Суханова. И у него здесь издательство (при торгпредстве) журнала и справочников по вопросам статистики, экономики, информации и т.д. Мне удалось сразу поставить это дело правильно. Издания эти не только окупаются, но и большую прибыль дают. Главный источник дохода – объявления, которые мною поставлены очень хорошо. Здесь в Париже работать над советскими изданиями очень тяжело, надо проявлять и деловитость, и политический такт. Все это мне очень удалось, но для себя лично в этом деле я мало достиг: то, что получаю, не хватает и на половину моих расходов. Все-таки я рад, что хоть это имею. Приятно уже то, что нюхаю иногда типографскую краску. Очень занят и нет времени “думать”. А думать все печальнее. Обидно, что, доживши до таких лет, имея опыт, и несомненно способный создавать и вести большое дело, приходится заниматься чепухой и служить у Суханова. Он оказался лучше, чем я думал, а все-таки обидно»⁴⁹. В ответ, через три дня, Горький написал: «Какие прекрасные книги могли бы Вы издать, если б черти не подняли Вас на рога! Но покупать их в России не стали бы, там все меньше покупают книг»⁵⁰.

Н.Н. Суханов взял Гржебина на работу на свой страх и риск. Но начальство требовало уволить эмигранта. Тогда Суханов в августе 1925 г. обратился к Горькому со следующей просьбой: «Дорогой Алексей Максимович! Напоминая Вам о своем существовании, уведомляя также о моем временном пребывании в Париже по советским издательским и журнальным делам, – позволяю себе обратиться к Вам с такой просьбой. Наш общий друг З.И. Гржебин все еще тяжело страдает от материальных невзгод. А я, памятуя твердо, что он разорился на “идейной почве”, стараюсь изо всех сил пойти ему навстречу – путем предоставления ему работы. Но Вы понимаете, как это трудно – по формальным причинам, ибо Гржебин – фактически

⁴⁸ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-п 22-1-45.

⁴⁹ Там же. КГ-п 22-1-52.

⁵⁰ Цит. по: Гржебина Е. З.И. Гржебин – издатель. Р. 31.

эмигрант и против него всякие нападения, со всех сторон, насчитывались тысячами – с самыми печальными результатами. Не знаю, ответил ли Вам Красин, но положение Гржебина, после Вашего письма к нему (Красину) не облегчилось. Необходимы дальнейшие шаги по извилистым и окольным путям. Для облегчения их, не сочтете ли Вы возможным написать *мне* записочку с настоятельным требованием устроить Гржебина ввиду его таких-то качеств и заслуг, с одной стороны, и его невыносимого положения – с другой. Я показал бы эту записочку начальству, имеющему возможность полуформально санкционировать Гржебина, минуя Красина»⁵¹. Писатель не спешил откликаться, и 4 сентября 1925 г. ему написал Гржебин:

«Мой дорогой Алексей Максимович, Вы не отвечаете на письмо Н.Н. Суханова. Я понимаю это так, что Вы на что-то сердитесь на меня. Единственно, почему Вы можете сердиться на меня, мне кажется, это то, что я не пишу Вам. Что же делать, когда так трудно жить. Не только писать – дышать невозможно.

С книгами у меня для России безнадежно. Не хотят пустить мои книги в Россию. Решили доконать – и никаких поблажек, ни в какой форме, делать не хотят. Ионов еще силен. Госиздат раньше прислал телеграмму с запросом, что с книгами, а теперь ни слуху – ни духу. Никаких иллюзий я не строю на этот счет. Сгниют книги на складах – все пойдет и все идет прахом. И черт с ними. Надоело. {...}

Вопрос теперь, как держаться, как выдержать это время хотя бы год, потому что через год у меня может кое-что измениться к лучшему. Служба у Суханова дело невыясненное до сих пор. Задумал я одно издание, которое их издательству принесет много денег, тысяч двадцать долларов, а то и больше, но официально не могу делать это. По этому предмету писал Вам Ник. Ник-ч. Ему необходима протекция для меня. Ваше письмо ему (вернее, мне) очень помогло бы. Я Вас очень прошу не отказать срочно прислать такое письмо на имя Ник. Н-ча. Вы просто, зная мое положение, просите его использовать меня, считая, что моя работа может быть очень полезна для его издательства (для изд-ва Торгпредства). Можете такое письмо ему написать? Если можете, очень прошу написать и прислать экспрессом»⁵².

Горький требуемое письмо написал. И вскоре Гржебин сообщил ему: «Сейчас я работаю у Суханова. Придумал я им дело, которое принесет им, по крайней мере, 22.000 долл.»⁵³.

В 1926 г. Н.Н. Суханова отозвали в Москву, и Гржебин лишился работы. Но в это время, как установил Е.А. Динерштейн, «новый заведующий Госиздатом Г.И. Бройдо выкупил у Гржебина половину склада его продукции (общей стоимостью в 100 тысяч долларов) с 50% скидкой. Однако владельцу досталось из них всего 15 тысяч долларов, поскольку несколько ранее в качестве аванса О.Ю. Шмидт выплатил ему 10 тысяч долларов»⁵⁴. На эти 15 тыс. долл. (в сущности, небольшие деньги) издатель намеревается организовать выпуск газеты. 22 сентября 1926 г. он отправил письмо Горькому:

«Дорогой Алексей Максимович,

Давно не писал Вам. Радости за это время у меня мало было, а хныкать надоело. Сейчас пишу, потому что хочу посоветоваться с Вами по следующему делу: я давно уже ношусь с мыслью возродить “Новую Жизнь”. Вы знаете о провале таких бездарных изданий и казенных газет, как “Парижский Вестник”, “Накануне”, “La Vie Economique des Soviets” (газета, орган советского торгпредства во Франции. – Е. Н.) и проч. Провал их был неизбежен. Одни провалились, потому что подход и тон их был лакейский, другие – казенная скука их одолела, третьи – просто бездарны были и т.д. Между тем, газета нужна. “Последние новости” Милюкова печатаются в количестве до 25.000 экз., “Возрождение” Струве – тысяч 10, а в последнее время, в особенности со времени фельетонов Шульгина, тираж значительно повышается. “Дни” Керенского сочтены. Эта газета умирает. “Руль” также на убыль идет. Такая газета, как “Новая Жизнь”, могла бы и должна получить наибольшее распространение. Прежде всего, все белые газеты технически очень слабы. Полное отсутствие собственной информации. Все живут слухами, что читателям осточертело. “Собственные корреспонденты” – явно мифические лица. Литературная часть газет либо перепечатка из русских газет, т.е. газет, издающихся на территории СССР, либо печатают безвкусные романы-приключения. Передовицы скучны, нудны, однообразны. Да и писать больше не о чем белым газетам. Все они изверились, устали, нет пафоса, нет энтузиазма. Все у них делается по инерции. По инерции и читают их. Надоело всем пережевывать жвачку. Распространяться мне на эту тему не стоит – Вы живете за границей и, конечно, сами видите эти газеты. И чем больше приглядываешься к ним, тем яснее становится успех, какой должна иметь “Новая Жизнь”. Прежде всего, мы могли бы в смысле информации действительно настоящую газету создать. У нас были бы свои подлинные, а не фальшивые корреспонденты и в России и в других странах. Литературная часть у нас была бы совершенна. Все, что есть в России талантливого нам доступно.

“Новой Жизни” есть о чем писать, есть кому писать и есть цель, есть для чего писать.

Не знаю, как Вы, но другие, с кем я говорил на эту тему (Раковский, напр.), все верят, что газета независимая, как “Нов. Ж.”, будет иметь большой успех.

Какие препятствия? Сотрудники. Многие из них (бывш. сотр. “Н. Ж.”) как Керженцев, Карахан и некоторые другие теперь недостижимы. Но не на них в свое время строилась газета. Зато появились многие новые и очень талантливые журналисты и писатели. Кой кто и здесь захочет перейти к нам, если, конечно, наша редакция их примет. (Напр., Осоргин). Я не знаю, где и что делают Базаров, Вольский, Десницкий. Суханов в Москве. Но в это дело я не вмешиваюсь. Это дело редакции. Главное ядро редакции должно сидеть в Париже. Визы во Францию я вам достану. Мне думается, что самым активным человеком в этом деле может быть Тихонов. Скажем, этот вопрос, т.е. о сотрудниках, сложный и очень щепетильный. Но преодолимый. Больше того, мне кажется, только нам и возможно собрать кадровых сотрудников, во всех отношениях подходящих, талантливых. Более труден второй вопрос – денежный. Но и это преодолимо. Мои книги, наконец, попали в

⁵¹ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-п 74-16-3.

⁵² Там же. КГ-п 22-1-53.

⁵³ Там же. КГ-п 22-1-44.

⁵⁴ Динерштейн Е. Крах берлинского издательства З.И. Гржебина. Р. 108.

Россию (1/2 склада). Госиздату через Аркос пошло на 100.000 долларов (по номиналу). Я считаю, что 25.000 долларов будут мне следовать, но в счет них я уже три года тому назад получил 10.000 долларов. Я теперь ходатайствую, чтобы мне уплатили остальные 15.000 долл. Принимая во внимание, что эти деньги целиком уйдут на газету, возможность уплаты мне этих денег не исключается.

Затем я рассчитываю, что нашу газету допустят в Россию хотя бы в ограниченном количестве. Я считаю, что правительство СССР должно отнестись к "Новой Ж." за границей более чем сочувственно. Тем более, что деньги за продаваемые экземпляры и за подписку не станем вывозить из России. Они нам нужны будут в самой России для уплаты гонорара за литературный материал, фотографии, рисунки и т.п.

Главное, из-за чего необходимо добиться ввоза газеты в Россию, это то, что в этом случае мы можем рассчитывать на иностранные объявления, которые я хочу организовать не только во Франции, Бельгии, Германии и прочих странах Европы, но и Америки. Объявления могут дать в год тысяч 20–25 долл. Затем подписка, продажа, русские объявления, словом, я рассчитываю обеспечить газету капиталом в 50.000 долл. Это даст нам возможность крепко существовать два года. А там увидим. Если газета будет допущена в Россию, хотя бы в виде подписки на нее (без розничной продажи), то... Вы понимаете, какие перспективы открываются перед нами. Ведь рано или поздно, а свобода печати будет в России, хотя бы постольку, поскольку возможно будет издавать "Нов. Ж." в самой России. Тогда мы первыми будем с вполне организованной газетой. Но это дело впереди. Не будем сейчас об этом говорить.

Вот в очень общих чертах та мысль о газете, о которой я хотел Вам сообщить и знать Ваше мнение об этом. Я Вас давно не видел, не знаю, в каких Вы сейчас настроениях. Мне все-таки кажется, что Вы, независимо от каких бы то ни было "настроений", поймете, какое великолепное дело можно создать.

Я сейчас не работаю в изд-ве Торгпредства (там сокращения)⁵⁵.

Горький на письмо не ответил. С газетой ничего не вышло. Часть денег была прожита, часть их ушла на последнюю книгу, которую выпустил Гржебин (совместно с А.Г. Вишняком) – монографию на французском языке: *Levinson Andru. Anna Pavlova. Paris, 1928*. Л.И. Юниверг называет ее «удачным изданием»⁵⁶. Но значительного дохода она не принесла.

Наступили очень тяжелые времена. Дочь Гржебина Елена пишет про отца: «Неудачи тяжело отразились на его материальном положении, на его здоровье и на моральном состоянии. Сердечная болезнь, которой он начал страдать еще в Берлине, прогрессировала»⁵⁷. В конце концов, нужда заставила издателя покинуть столицу Франции и перебраться в расположенное под Парижем местечко Ванве. Здесь Зиновий Исаевич Гржебин скончался от разрыва сердца 4 февраля 1929 г.

⁵⁵ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-п 22-1-54.

⁵⁶ Юниверг Л.И. З.И. Гржебин и его издательская деятельность // Книга: Исслед. и материалы. 1994. Сб. 69. С. 69. С. 133.

⁵⁷ Гржебина Е. З.И. Гржебин – издатель. Р. 27.

И.В. Хмелевских

БИБЛИОТЕКА МОНАСТЫРЯ САН МАРКО

Проблемы взаимодействия гуманистической книжной культуры и доминиканской традиции

В статье идет речь о причинах возникновения и особенностях функционирования библиотеки флорентийского доминиканского монастыря Сан Марко (середина – вторая половина XV в.). Эта библиотека явилась местом общения как крупных религиозных деятелей той эпохи, так и гуманистов. Автор рассказывает об их взаимодействии в процессе формирования книжной коллекции. Рассмотрен обширный репертуар книг, выходивший за рамки традиционного монастырского книгохранилища.

Ключевые слова: монастырь Сан Марко, библиотека, Доминиканский орден, гуманизм.

В самом центре Флоренции, на площади Сан Марко расположен один из известнейших в мире памятников – монастырь Сан Марко (ныне музей). Основан он в конце XIII в. монахами-силвестринцами, но в 30-х годах XV века был передан жившим в окрестностях Флоренции, во Фьезоле, монахам доминиканского ордена. Именно последнее обстоятельство послужило причиной всемирной известности этой обители. В первые же годы ее существования в стенах монастыря был создан уникальный фресковый цикл, один из шедевров флорентийской ренессансной живописи, выполненный фра Джованни да Фьезоле, прозванным Беато Анджелико, и его мастерской. Сегодня фресковый ансамбль является основной частью музейной экспозиции. Посетители музея могут также полюбоваться строгим великолепием библиотечного зала монастыря, но находившегося здесь некогда богатейшего книжного собрания уже давно нет, книги перекочевали в современные библиотеки. А между тем эта часть наследия флорентийской доминиканской общины оказалась не менее значительной, чем ее живопись. Собранные братьями-проповедниками книжная коллекция была официально открыта для мирян, таким образом, ее принято считать первой в Европе публичной библиотекой.